

ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

LANGUAGE CONFLICTS

УДК 81 272

DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-170-187

ЯЗЫКОВОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ И КОМПЛЕКС КУЛЬТУРНОЙ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ У НОСИТЕЛЕЙ КОМИ ЯЗЫКА (СЛУЧАЙ Г. СЫКТЫВКАРА)

Игорь О. Юлдашев,
Институт культуры и искусства
Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина,
Российская Федерация

Николай Е. Вокуев
Университет Квебека в Труа-Ривьер
Канада

В статье на материалах интервью с носителями коми языка, проведенных в г. Сыктывкаре, исследуются случаи языковой дискриминации в отношении коми и феномен языкового стеснения. Последнее, с точки зрения авторов, является частью и свидетельством сформировавшегося у некоторых из них комплекса культурной неполноценности. Кроме того, рассказы респондентов показывают, что языковая дискриминация и языковое стеснение связаны не только друг с другом, но и с целым рядом взаимосвязанных и взаимообусловленных представлений — о моноязычии как национальной норме («монолингвальный габитус»), об этнокультурных и языковых иерархиях. Язык и культура коми в этих воображаемых иерархиях занимают более низкую позицию, чем русский язык и культура. Более того, публичное использование коми языка, а также наличие акцента — и тот, и другой часто коннотируются с сельской социализацией — могут активировать ряд негативных стереотипов, сконденсированных в пейоративном этнониме «комяк». Все это не может не оказывать влияния на самоидентификацию носителей коми языка. Основываясь на качественных методах исследования, статья не предполагает оценки масштабов рассматриваемых явлений.

Ключевые слова: языковая дискриминация, коми, монолингвальный габитус, комплекс культурной неполноценности, языковое стеснение.

LINGUISTIC DOMINANCE AND CULTURAL INFERIORITY COMPLEX AMONG KOMI LANGUAGE SPEAKERS (THE CASE OF SYKTYVKAR)

Igor O. Yuldashev,

Institute of Culture and Art of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Russian Federation

Nikolai E. Vokuev,

University of Quebec at Trois-Rivières
Canada

The article is based on the interviews with Komi language speakers, conducted in Syktyvkar, and examines the cases of linguistic discrimination against the Komi people and the phenomenon of language shyness. The latter, from the point of view of the authors, is a part and evidence of cultural inferiority complex being formed in some of these speakers. Furthermore, the respondents' accounts show that linguistic discrimination and language shyness are related not only to each other, but also to a number of interrelated and interdependent assumptions about monolingualism as a national norm ("monolingual habitus"), as well about ethnocultural and linguistic hierarchies. Komi language and culture occupy a lower position in these imagined hierarchies than Russian language and culture. Moreover, the public use of the Komi language, as well as a specific accent, both of which are often connoted with rural socialization, can activate a number of negative stereotypes condensed in the widely used pejorative ethnonym "komyak". All this cannot but affect the self-identification of Komi language speakers. Based on qualitative research methods, the paper does not presuppose an assessment of the scale of the phenomena in question.

Keywords: linguistic discrimination, Komi, monolingual habitus, cultural inferiority complex, language shyness

Введение

Одним из резонансных событий 2021 г. в Республике Коми стал судебный процесс над активистом общественного движения коми народа («Коми Войтыр») Алексеем Ивановым. На заседании Сыктывкарского городского суда, состоявшемся 11 февраля, Иванов отвечал на вопросы судьи Ирины Юшковой исключительно на коми языке, отказываясь подписывать судебные документы, составленные на русском, и требуя их оформления на коми. На это судья отреагировала довольно резко, а ее высказывания в адрес Иванова вполне можно расценить как дискриминационные. Расшифровка этого диалога показывает, как представитель судебной власти, по всей видимости, понимая коми язык, пытается поставить под сомнение культурную идентичность Иванова репликами вроде: «В русской школе учились?», «Паспорт русский?», «А че имя и фамилия русские, а не коми, м?» [Правосудие без коми, 2021].

В речевых актах судьи мы можем также обнаружить признаки того, что некоторые исследователи называют «монолингвальным габитусом». Автор термина, профессор Гамбургского университета Ингрид Гоголин, определяет его как убежденность в том, что наличие одного языка в обществе, и особенно в школах, является вечной и всегда актуальной национальной характеристикой. Это «глубоко укоренившаяся привычка считать моноязычие нормой в нации» [Gogolin, 1997: 41]. Так, высказывания Юшковой выявляют ее убежденность в том, что школа как общественный институт, находящийся на территории Российской Федерации, предполагает этнонациональный окрас, а паспорт и имя с фамилией – это признаки этнического происхождения и соответствующего ему языка. Кроме того, судья как представитель власти, невзирая на Закон о государственных языках Республики Коми, принижает статус коми языка и связанной с ним культурной идентичности по отношению к русским языку и идентичности.

Обсуждение этого события главным образом свелось к вопросу о нарушении прав коми народа. Так, в своем комментарии информагентству «Комиинформ» председатель Сыктывкарского городского суда Надежда Сарвилина на этот счет высказалась недвусмысленно: «Ни о каком ущемлении прав коренного населения Республики Коми в данном случае говорить не приходится» [Майер, 2021]. Попутно она обвинила Иванова в том, что тот злоупотребляет предоставленными ему процессуальными правами, т.к., свободно владея основным языком судопроизводства, все равно требует проведения разбирательства на коми языке. Заявления же о притеснении коми по национальному признаку Сарвилина назвала абсурдными, сославшись на то, что «судья Юшкова сама является уроженкой и жительницей Республики Коми» [Там же]. (Заметим в скобках: понятие «уроженка» ничего не говорит о ее этническом происхождении, а аргументация председателя суда в любом случае несостоятельна, т.к. в притеснении вполне могут участвовать и сами притесняемые.)

На наш взгляд, обсуждать здесь нужно не столько вероятное ущемление прав или поведение и мотивацию Иванова в суде, сколько *высказывания* судьи, имеющие явно дискриминационный характер и раскрывающие тот самый комплекс моноязычных установок. Более того, неспособность распознать реальную проблему в этом деле, не говоря уже об ответных обвинениях в адрес Иванова со стороны представителей власти, может свидетельствовать об укорененном характере этих установок и взглядов. Возникает вопрос: являются ли подобные дискриминационные практики в отношении коми языка и идентичности распространенными? А также: влияют ли эти практики на отношение коми к их языку? Личный опыт авторов этой статьи, сталкивавшихся как с повседневной

стигматизацией коми языка и его носителей, так и со стеснением последних публично использовать родной язык, подталкивает скорее к утвердительным ответам. Однако полноценных попыток осветить эту проблему в академической литературе нам обнаружить не удалось¹⁴.

Методы исследования и понятийный аппарат

Пытаясь ответить на вопрос о существовании в регионе языковой дискриминации коми, мы использовали методы качественного исследования: полуструктурированные интервью и фокус-группу, – что заранее накладывает ограничения на результаты. Полученные данные не дают возможности статистически оценить масштабы явления, но позволяют выявить и изучить сами дискриминационные практики. Кроме того, сам характер вопросов подталкивал респондентов к тому, чтобы они вспомнили ситуации негативного отношения к коми языку из своей жизни. Случаи положительного отношения остались за рамками исследования.

За время исследования в интервью нам отказали семь человек. Многие из тех, к кому мы обращались, не захотели обсуждать свое отношение к коми языку. В итоге мы проинтервьюировали 16 человек – 11 женщин и 5 мужчин. Все они – носители коми языка, и подавляющее большинство из них, 15 человек, идентифицируют себя как коми. В основном это молодые люди 18–27 лет (12 человек), возраст остальных четырех респондентов – 33–45 лет. Одно из интервью было проведено в формате фокус-группы, в которой участвовали семь человек, что позволило рассмотреть и сопоставить различные мнения о языковой дискриминации коми, а также выявить ее специфику. В дальнейшем, цитируя высказывания респондентов, мы будем для удобства обозначать их буквами латинского алфавита.

В своем исследовании мы используем преимущественно понятие «языковой дискриминации», у которого в научной литературе есть и синоним, такой как «лингвицизм». Этот термин, введенный в научный оборот финским педагогом и лингвистом Гове Скутнабб-Кангас, означает «идеологии, структуры и практики, которые используются для легитимации, осуществления, регулирования и воспроизводства неравноправного разделения

¹⁴Интересные свидетельства языковой дискриминации и языкового стеснения среди коми приводятся в исследовании Н.П. Мироновой и Я. Янитс: «Вначале, когда приехала, были небольшие конфликты с девочками, потому что они говорили, типа, “говори нам на русском языке, потому что мы не понимаем, про что ты говоришь. Может, нас обсуждаешь, а нам это неприятно”. А мне всё равно, приятно это или нет, я говорю с мамой на родном языке. Так что не надо мне указывать, что мне делать»; «Я знаю многих, которые приехали из коми деревни, а в городе начинают, как сказать, стесняться, что они коми и знают коми язык. Они скрывают это. Говорят только на русском языке» [Миронова и др., 2012: 218–219]. Однако авторы не акцентируют на этом внимание, сосредотачиваясь в основном на статистике, отражающей отношение жителей республики к коми языку.

власти и ресурсов (материальных и нематериальных) между группами, определенными на основе языка» [Skutnabb-Kangas, 2000: 30]. Лингвицизм, по наблюдениям Скутнабб-Кангас, «может быть открытым (агент не пытается его скрыть), сознательным (агент осознает его), видимым (его легко обнаружить не-агентам) и активно ориентированным на действие (в отличие от “всего лишь” установки). Либо он может быть скрытым, бессознательным, невидимым и пассивным (выражаясь в отсутствии поддержки, а не в активной оппозиции)» [Ibid: 109]. К проявлениям лингвицизма Скутнабб-Кангас относит и случаи стигматизации людей, говорящих на «нестандартной» версии того или иного языка [Skutnabb-Kangas, 2015].

Развивая идеи финской исследовательницы, Шинья Уекуза трактует лингвицизм как разновидность «символического насилия» (термин Пьера Бурдьё). По его словам, речь идет о структурной дискриминации на основании языка, проявляющейся, помимо прочего, в повседневных межличностных взаимодействиях в форме дискриминационных практик в отношении людей, говорящих на недоминантных языках либо с ярко выраженным акцентом. Уекуза отмечает, что «лингвистические меньшинства часто находят политические, экономические, культурные и социальные преимущества в освоении доминирующих языков <...> и становятся соучастниками языковой гегемонии и доминирования <...> Будучи ценной формой капитала, лингвистический капитал в данном случае оправдывается и узаконивается при помощи символического насилия, поэтому ценность использования доминирующего языка определяется скорее согласием социальных агентов, нежели силой» [Uekusa, 2019: 357].

Проясним теперь уже не раз упомянутое «символическое насилие». В социологической теории Пьера Бурдьё этим термином обозначается всякая власть, «которой удастся навязать значения и заставить признать их легитимными, скрывая силовые отношения, лежащие в ее основании» [Бурдьё и др., 2007: 22]. Концепция символического насилия – более «мягкой», нежели физическое насилие, а потому часто незаметной формы доминирования – объясняет устойчивость социального неравенства и иерархий. Поскольку речь идет, в том числе, о производстве систем классификации, лежащих в основе групповых идентичностей, жертвы символического насилия часто не только его не распознают, но и являются соучастниками: они принимают навязанные им репрезентации социальной действительности как легитимные.

Язык, как пишет Шинья Уекуза, является одним из основных инструментов такого доминирования: «В результате символического насилия <...> языки меньшинств могут становиться “неполноценными” по отношению к доминирующим языкам и даже

стигматизироваться в их габитусе <...>. Языковая иерархия становится очевидной, а статус языка может влиять на самооценку его носителя» [Uekusa, 2019: 357].

Таким образом, опираясь на эти теоретические выкладки, мы можем предположить существование комплексной взаимосвязи между моноязычными установками (упоминавшимся выше «монолингвальным габитусом») и языковой дискриминацией как формой доминирования («символического насилия»). Первые могут становиться условием, а возможно, и причиной повседневных дискриминационных практик в отношении языковых меньшинств. При этом языки меньшинств будут маркироваться и восприниматься как «непрестижные» и даже «неполноценные» как языковым большинством, так и представителями самих меньшинств. Далее мы рассмотрим и уточним эти положения на собранном нами материале. Другие важные для нашего исследования понятия – «языковое стеснение» и «комплекс культурной неполноценности» – мы концептуализируем во второй части статьи, комментируя ответы респондентов.

Языковая дискриминация и моноязычные установки

Языковая дискриминация проявляется как на государственном, так и на бытовом уровнях. Пример дискриминации на уровне государства – случай Алексея Иванова и судьи Ирины Юшковой – мы уже описали. Но что же происходит на бытовом уровне?

В ходе исследования мы выявили, что 11 из 16 респондентов сталкивались с дискриминацией или негативной реакцией в отношении себя, связанными с использованием коми языка. Остальные пять человек находились в фокус-группе, где все респонденты заявили, что используют коми язык *только* при общении с родственниками или близкими друзьями. Вероятно, это могло повлиять на результаты исследования. Тем не менее все респонденты так или иначе высказывались о разного рода проблемах, прямо или косвенно связанных с языковой дискриминацией и/или негативным отношением к представителям коми народа.

Говоря о языковой дискриминации в отношении коми, респондентка А рассказала следующую историю: «Буквально вчера я была в “Калевале”¹⁵. Мы с подружкой разговариваем на коми языке, а продавец смотрит на нас так косо и говорит: “Это что за язык вообще такой? Че вы так тут разговариваете? Вы же в России живете”. А я ответила: “Я живу в России, но в Республике Коми, где коми язык является официальным, и мы имеем право разговаривать на том языке, на котором нам удобно”. В общем, она даже сдачу так грубо

¹⁵Речь идет об одном из сыктывкарских торговых центров.

кинула, и все это несмотря на очередь большую». Здесь, как и в высказываниях судьи, мы видим открытый и осознанный акт языкового доминирования – дискриминации, а также пример, вероятно, неосознаваемых мооязычных установок («Вы же в России живете»).

Большинство респондентов (девять из шестнадцати человек) рассказали похожие истории. Во всех случаях речь шла о проявлении монолингвальных установок в форме различных дискриминирующих высказываний. В то же время пять респондентов сообщили, что, используя родной язык в общественных местах, встречались с разного рода негативными, по их оценкам, реакциями вербального и невербального характера, такими как осуждающий взгляд, мимические выражения, цоканье языком и т.д. Приведем в качестве примера историю респондента *В*: «В автобусе позвонила мама, и после того, как я начал говорить, [пожилая пара] начала тихо цокать и головой мотать. Вообще, довольно часто люди просто начинают смотреть и разглядывать, что тоже [довольно неприятно]».

Иногда реакции носят откровенно агрессивный характер. Респондент *С* рассказал, как встретил на улице рядом с ночным клубом знакомую из своего села и разговорился с ней на коми языке: «Рядом с нами стояла подвыпившая компания, откуда один человек начал орать нам: “Комячъё, потише здесь базаръте”». Слово «комяк», с точки зрения всех опрошенных, имеет безусловно негативный эмоциональный окрас. Четверо респондентов поставили это слово в один ряд с такими пейоративными этнонимами, как «хач» и «чурка».

Зачастую слово «комяк» употребляется с шутливой окраской. Тем не менее связанные с этим словом негативные коннотации настолько сильны, что некоторые респонденты все равно воспринимают его как оскорбление, указывая при этом на несознательность говорящего: «Были очень часто случаи, когда мы говорим на коми языке, и кто-нибудь из компании скажет: “Фу, комяк”. Меня это бесило, и я очень негативно реагирую на такое»; «Некоторые просто не замечают, что это грубо, для них это нормально» (респондентка *Д* из фокус-группы).

По мнению респондентов, «комяк» ассоциируется с такими словами, как «деревенщина», «глупый человек», «низкий по статусу человек», «необразованный», «дурачок», «грубый», «ограниченный», «простой». Можно предположить, что такое словоупотребление подразумевает отождествление коми с сельским населением в контексте, где жизнь в селе и некоторые последствия сельской социализации воспринимаются как непрестижные и связываются с отсутствием образования, а также низким уровнем культуры у сельских жителей. Под последствиями сельской социализации мы имеем в виду наличие у некоторых выходцев из деревень и сел акцента, который нередко становится поводом для дискриминации носителей коми языка: «В школе и техникуме некоторые смеялись над моим

акцентом и пародировали его»; «Иногда стоило хоть что-то мне сказать, как сразу со стороны мальчиков из русскоязычного класса [звучало]: “Кöмяк”» (респондентка *E*)¹⁶.

Однако одно из свидетельств, относящихся исключительно к сельской ситуации, вносит некоторые нюансы в наше предположение: «Живя в селе, я все свои школьные годы встречалась с постоянным негативом в отношении себя и других учеников из коми класса от учеников из русского класса, что привело к [обособлению] одних школьников от других» (респондентка *F*). Это можно трактовать по-разному, в том числе и как свидетельство об укоренившихся в сознании иерархиях и желании части школьников если не отождествить себя с «городскими» в противовес «деревенским», то, по крайней мере, дистанцироваться от последних.

Но говорит ли существование стигматизирующего этнонима о наличии оппозиции «мы – они» в сознании участников дискриминационных практик? Приведем высказывания респондентки *G* из фокус-группы: «Они, на самом деле, русскоязычные люди, хотят как-то задеть коми человека этим словом»; «Ну, употребляя это слово, они, возможно, ставят себя выше коми». В своих интервью респонденты то и дело противопоставляют себя как коми русскоязычным жителям региона. Семеро из них высказали мысль о том, что существует некая оппозиция «русские – коми» или «русскоязычные – комязычные», причем, как полагает респондент *H*, именно «русские» являются инициаторами этого разделения. Отметим, что такое разделение, по словам респондентов, происходило в селах и сельских школах.

Кажется очевидным, что это символическое разделение на «своих» и «чужих» существует не только в селах, где комязычные и русскоязычные жители постоянно взаимодействуют друг с другом, но и в городе. Об этом говорят и собранные нами свидетельства. Так, респондент *I* сообщил о том, что часто сталкивался с негативной реакцией со стороны русскоязычных жителей и в деревне, и в городе: «После летней сессии решил устроиться на подработку на стройку. Там во второй рабочий день, на обеденном перерыве, я позвонил бабушке в деревню и начал говорить с ней на коми. Рядом проходил наш начальник и встал рядом, а потом спросил у меня: “Ты чего, басурманин что ль? А лицо-то вроде русское” – и сразу ушел. Потом он около месяца, пока я не уволился, делал вид, что не замечает меня».

¹⁶В этом рассказе школьники искажают и без того оскорбительное слово, пародируя коми язык: у многих он ассоциируется именно с буквой «ö».

Такая реакция, на наш взгляд, обусловлена не только и не столько моноязычными установками, сколько наличием целого комплекса представлений о «своем», «другом» и «чужом». Монолингвальность в этом случае оказывается частью более сложной системы оппозиций, в которой «свой» обладает определенными, характерными для большинства населения, внешностью и языком. Несоответствие же любому из этих ключевых признаков порождает настороженность и/или негативную реакцию в отношении представителя меньшинства.

Комплекс культурной неполноценности и языковое стеснение

В ходе исследования мы также столкнулись с явлением, которое определили как комплекс культурной неполноценности. В качестве примера приведем рассказ респондента J, который часто, особенно в юношеском возрасте, сталкивался с негативной реакцией в ответ на использование коми языка: «Мы с подругой искали недорогую комнату или квартиру и нашли объявление о сдаче дешевой однокомнатной квартиры. Пришли, там нас встретил хозяин, он как-то плохо все показал, поэтому мы попросили разрешения самим осмотреть квартиру. Мы ходили и по привычке все обсуждали на коми языке, но очень тихо, и тут хозяин квартиры подходит к нам и говорит: “Вы на русском говорить можете? Я же рядом стою”. А я ответил: “Так мы же на коми говорим”, а он такой: “Да хоть на таджикском. Мне неприятно, когда на моей территории говорят на левом языке, уяснил?” Ну и мы сразу ушли, даже дверь не закрыли, а он вышел в подъезд и начал нам орать что-то матом».

В этой истории оппозиция «мы – они» в сознании хозяина квартиры настолько сильна, что моноязычная установка приводит к акту открытой, осознанной и активной языковой дискриминации. В то же время нас заинтересовала реплика рассказчика («Так мы же на коми говорим»). На вопрос, почему он ответил таким образом и что он хотел услышать в ответ, респондент пояснил: «Подумал, он решил, что мы совсем нерусские, как кавказцы или еще кто-то». Отметим, что респондент считает себя коми, а коми язык – своим родным языком. Мы спросили его, что он имеет в виду под выражением «совсем нерусские» и почему относит к ним «кавказцев». Ответ был следующим: «[Хотел сказать], что мы не чужие люди русским, мы же вместе всегда жили, значит, должны понимать, что мы свои, а у кавказцев другая религия и культура, сильные традиции, ну и они стоят друг за друга <...>. Поэтому я вообще не ожидал от взрослого человека такое услышать».

В данном случае дискриминируемый сам воспроизводит специфическую логику «мы – они» или «свой – чужой», относя себя при этом к «своим». Этот случай заинтересовал нас

и тем, что респондент, считающий себя коми, по-видимому, ощущает некоторую *неполноценность* собственной идентичности. Как можно заметить, он выстраивает иерархию идентичностей, где во главе угла стоят «русская» и наиболее приближенная к ней – коми, а наиболее отдаленной и в то же время более состоятельной оказывается «кавказская» идентичность. На наш взгляд, речь здесь можно вести о комплексном явлении – чувстве культурной неполноценности, в англоязычной литературе именуемом *cultural cringe*. Под ним имеется в виду «интернализированный комплекс неполноценности, который побуждает людей в стране отвергать собственную культуру как более низкую по отношению к другим культурам» [цит. по: Ну У, 2014: 2]. Автор термина, австралийский писатель и критик Артур Филлипс, описывал им ситуацию середины XX в., когда эталоном моды и вкуса в Австралии считалась Великобритания, а произведения местных деятелей искусства и культуры воспринимались как вторичные.

Однако объясняется ли это ощущение неполноценности только опытом языковой дискриминации? Ведь сам респондент заявил, что подобная реакция со стороны взрослого человека была для него абсолютно неожиданна, хотя, напомним, по его словам, он и ранее сталкивался с различными негативными реакциями, но, как правило, в юношеском возрасте. Как нам представляется, у этого явления есть целый ряд причин.

Наиболее яркие свидетельства наличия комплекса культурной неполноценности у коми привела респондентка К из фокус-группы. Так, рассуждая о ситуации в деревнях, она сообщила, что встречалась с негативными реакциями скорее со стороны коми молодежи, чем со стороны русскоязычных: «У нас в школе, когда ученики ездили куда-то в санатории и [детские] лагеря, они приезжали и старались говорить на русском, чтобы не было акцента, <...>, у них взгляд такой был, типа: “Фу, вы говорите на коми, а мы там ездили куда-то и мы уже русские” <...> Старшеклассники, считая, что это как-то круто говорить на русском, принижали нас, когда мы куда-то ездили и говорили друг с другом на коми, а они на нас косо смотрели, типа: “Вы же приехали в Усть-Кулом или в Сыктывкар, а вы говорите на коми” <...> Даже одноклассники мои, когда приехали учиться в город, они каждый раз, когда встречались с нами или [во время] разговора по телефону, говорили с нами на русском. То есть мы с ними говорим на коми, а они нам все равно [отвечают] на русском».

Как видим, дискриминирующее поведение по отношению к носителям коми языка не является прерогативой моноязычного большинства: его вполне демонстрируют и представители самого меньшинства. Что касается упомянутого комплекса, то здесь, как и в истории респондента J, он обнаруживает себя как представление об этнокультурной и языковой иерархии (престижа), где эталоном является «русскость». Но если в первом случае

это представление имеет еще отчасти «латентный» характер, то в рассказе респондентки *К* о молодых сельских коми оно проявляет себя своеобразным «отказом» от коми языка в пользу русского и, более того, приводит к дискриминирующим действиям в отношении других двуязычных, вероятно, не разделяющих этой установки. При более же пристальном рассмотрении ситуаций складывается впечатление, что у некоторых носителей коми языка оно дополняется представлением о непрестижности села. Как можно заметить по приведенным свидетельствам, комплекс культурной неполноценности ярко проявлялся при попадании сельского носителя коми языка в город или крупный поселок с более-менее развитой инфраструктурой. То есть речь может идти, в том числе о связывании коми языка с низким уровнем жизни.

Итак, комплекс культурной неполноценности можно описать следующим образом: носитель коми языка отдает предпочтение более престижному, с его точки зрения, языку и соответствующей культурной идентичности. При обсуждении причин этого «отказа» от коми языка с респондентами из фокус-группы некоторые из них заявили, что всему виной – отсутствие поддержки коми языка со стороны государства, а также постоянные негативные изменения в системе образования, касающиеся коми языка как школьного предмета.

Говоря о комплексе культурной неполноценности у коми, мы можем наблюдать характерное его проявление – языковое стеснение. Собранные нами данные позволяют говорить о нем как об аффективном комплексе, включающем в себя также элементы стыда и боязни. Однако сами носители языка, равно как и региональные СМИ, касаясь этого комплекса, называют его именно «стеснением».

Рассуждая о возможных причинах этого феномена, Е.А. Кондрашкина указывает на последствия политики русификации 1960–1980-х гг.: «Национальные языки были низведены до положения языков семейно-бытового общения, они стали считаться ненужными, не престижными, на них даже стеснялись говорить при людях, развился языковой нигилизм» [Кондрашкина, 2018].

К сожалению, языковому стеснению посвящено относительно немного научных публикаций. Все эти исследования к тому же описывают отличающиеся друг от друга социолингвистические ситуации. Отметим среди них работу Шивы Мотагхи-Табари, где она приводит случай ребенка-респондентки, которая призналась, что стесняется говорить на родном языке (фарси), так как не хочет показаться «странной». Ссылаясь на другого исследователя, Мотагхи-Табари отмечает, что чувства стыда и неполноценности связанные с языком, являются психологическими последствиями глобального господства английского

языка [Piller, 2016, as cited in Motaghi-Tabari, 2016: 205]. Таким образом, исследовательница связывает это с восприятием моноязычия как единственной нормы.

Языковое стеснение у коми, как нам представляется, может возникать не только как следствие негативного опыта общения (языковой дискриминации), но и в результате передачи этого опыта внутри языковой группы и принятия господствующих в обществе моноязычных установок. Это может порождать чисто субъективное (необоснованное) ощущение или представление о «чужеродности» собственного языка в пространствах, где доминирует иной язык.

Респондентка *L* рассказала, что стала сильно стесняться родного языка после переезда из села в город и поступления в колледж: «Я даже заговорить с людьми первое время боялась, так как не хотела портить первое впечатление о себе из-за акцента. А потом это, видимо, как-то закрепились в голове и теперь я стараюсь не говорить на коми при посторонних людях». Мы поинтересовались, почему акцент, в ее представлении, мог испортить впечатление о ней, на что респондентка ответила: «У многих людей негативное отношение к акценту и чужим языкам. <...> наверное, просто не хотела показаться какой-то деревенщиной».

В ходе диалога удалось выяснить, что респондентка, используя коми язык в общественных местах, испытывает «что-то между стыдом, страхом и стеснением»: «Как-то на работе к нам в магазин зашла сестра моей матери, ну и начала говорить со мной на коми, а никто [из коллег] даже и не знал, что я коми, мне стало очень стыдно и как-то страшновато, а тетя это заметила и сама перешла на русский».

Говоря о причинах своего стыда и стеснения, она сообщила: «Ну, я уже сказала, что многие негативно относятся к чужому языку. А так, я не могу объяснить, но, наверное, я просто боюсь, что обо мне подумают другие». Девушка пояснила, что эта боязнь заключается в нежелании выглядеть «чужой в глазах других людей», то есть в глазах русскоязычного большинства. Вполне очевидно, что респондентка осознает как моноязычные установки общества (коми язык как маркер «чужого»), так и «непрестижность» коми языка («не хотела показаться какой-то деревенщиной»). По всей видимости, языковое стеснение связано с желанием избежать негативных ассоциаций с селом и сельской социализацией, с которыми, в свою очередь, коннотируется коми язык.

Как и в случае с респондентом *J* и молодыми сельскими коми из предыдущего рассказа, мы можем отметить здесь ощущение неполноценности, которое девушка испытывает в отношении собственной культуры и ее важной части – коми языка. Более того, исходя из описания реакции тети, можно предположить, что у некоторых носителей коми

языка формируются поведенческие коды, которые помогают распознавать языковое стеснение и переключаться с коми языка на русский.

В ходе разговора респондентка также отметила сокращение числа носителей коми языка в деревнях: «сейчас уже мало кто говорит на коми, только старики, мои племянники в деревне вообще не говорят на нем». Похожие сведения сообщали и некоторые респондентки из фокус-группы.

В своей книге «Цвет языка: акцент, девальвация и сопротивление в жизни латиноамериканских иммигрантов в Канаде» Патриша Томик отмечает: «Лингвицизм порождает дискурсивное сознание двоичного противостояния между Я и Другим, где носитель языка, Я, представляет собой самоочевидную норму, к которой стремится неродной носитель языка, Другой. Для Другого достижение статуса Я – статуса носителя языка – является процессом самоуничтожения» [цит. по: Gouma, 2020: 80]. Это описание не вполне соответствует культурной и языковой специфике региона, так как коми, как правило, уже являются носителями русского языка. Но предложенная схема хорошо описывает саму ситуацию, в которой носитель коми языка, сталкиваясь с психологическими, социальными и коммуникативными проблемами, частично или даже полностью отказывается от языка, что в конечном счете влияет и на его самоидентификацию.

Эту схему иллюстрируют и собранные нами истории. Респондент *М* – носитель коми языка и выходец из коми семьи, но к коми себя не относит, т. к. те «давно ассимилировались и стали русскими, основное отличие – только в языке». По его высказываниям можно предположить, что он не воспринимает это как нечто абсолютно негативное: «С одной стороны, это, конечно, плохо, а с другой, я, как и многие, считаю себя русским и говорю большую часть своего времени на русском языке, а не на коми».

Респондент продолжает общаться на коми с родственниками и некоторыми друзьями. Но использование языка в присутствии русскоязычных людей сопровождается чувством сильного стеснения: «До сих пор стыжусь говорить на коми, хоть и не особо [молодой] уже. Когда рядом незнакомые люди, а я говорю с кем-нибудь из родни по телефону на коми, то начинаю думать о том, что они там себе напредставляли. Короче, до жути стесняюсь коми языка». Говоря о причинах своего стеснения, респондент отметил: «Ну я же знаю, что коми не совсем стандартно звучит, это же не английский какой-нибудь. Когда те же цыгане на своем языке начинают говорить, у всех же сразу возникает понимание, что это какие-то [чужие люди]. <...> Да и это же с детства идет, отношение к деревенским у городских не очень адекватное, там постоянно “комьяками” называют и так далее». Этот случай интересен тем, что респондент сам затрагивает тему языкового престижа, где коми язык ввиду своего

«нестандартного» звучания является маркером «чужого» в представлении «мы – они». Вполне очевидно, что комплекс культурной неполноценности привел респондента к предпочтению «русской» идентичности, но в то же время он продолжает проявляться как стеснение при использовании коми языка и как страх показаться «чужим» для «своих».

Респондентка *N* также сообщила, что стесняется при посторонних говорить на коми: «Не знаю, как объяснять это чувство. Скорее, это стеснение, оно постоянно возникает, когда говорю с родственниками на коми, а рядом находятся незнакомые люди. <...> Даже при друзьях с работы не говорю на нем». Причин своего стеснения она назвать не смогла, но отметила: «Наверное, просто стыжусь или боюсь чего-то, не знаю». При этом респондентка рассказала историю, случившуюся с ее братом: «[Он] поехал в Архангельск на работу и в последний день звонит мне и говорит на каком-то смешном и слащавом русском, хотя мы всегда друг с другом говорим на коми языке, ну я сразу поняла, в чем дело, что рядом там кто-то с ним стоит. Потом он приезжает, и я у него спросила об этом, а он сказал, что рядом охранники с его предприятия стояли, поэтому и говорил так». Респондентка объяснила, что у ее брата очень сильный акцент, так как он всю жизнь живет в деревне, поэтому он говорил «как-то протяжно и неестественно», что ей и показалось смешным.

К сожалению, брат респондентки отказался говорить с нами на эту тему. По ее мнению, он боялся показаться «нерусским» на своей работе. На наш взгляд, эта боязнь показаться «чужим», как и в других рассмотренных нами случаях, тесно связана с комплексом культурной неполноценности и моноязычными установками в обществе. В ситуации Республики Коми этот комплекс включает в себя представление о существовании некоего культурного и языкового эталона в образе «русского». Несоответствие ему, в данном случае языковое, несет в себе не вполне осознаваемую угрозу «самости».

Всё это подводит нас к мысли о необходимости проведения дальнейших исследований языкового стеснения и комплекса культурной неполноценности у коми с, насколько это возможно, более репрезентативной выборкой, которая позволит наиболее полно раскрыть их природу.

Заключение

В книге «Черная кожа, белые маски» (1952) Франц Фанон описывает проблематичные отношения колонизированных жителей Антильских островов с языком. Местная буржуазия избегает диалектов, а в школах учат презирать «креолизмы». Приехав в крупный французский город, чернокожие утрированно грассируют, желая опровергнуть миф о том,

что они «проглатывают» звук [r]. А прожив некоторое время в метрополии, антилец преображается, говорит исключительно на французском, перестает воспринимать местные наречия и критически относится к соотечественникам.

Подобное поведение Фанон объясняет опытом колониального насилия: «Каждый колонизированный народ – то есть каждый народ, оригинальная местная культура которого была подавлена и похоронена, народ, которому был навязан комплекс неполноценности, – попадает в ситуацию прямого контакта с языком цивилизации, с культурой метрополии. Чем лучше колонизированный усваивает культурные нормы метрополии, тем больше он отдаляется от своих джунглей. Отказываясь от своей чернокожести, от своей принадлежности к джунглям, он становится белее» [Фанон, 2020]. Применительно к языку эта формула выглядит так: «Чем лучше чернокожий с Антильских островов говорит по-французски, тем он белее, то есть ближе к полноценному человеку» [Там же].

В своем исследовании мы рассматривали языковую дискриминацию как форму доминирования, связанную с моноязычными установками в обществе. В ситуации Республики Коми эти установки выражаются в восприятии русского языка как единственно возможной нормы. Собранные нами свидетельства не только подтверждают существование дискриминационных практик в отношении языкового меньшинства, но и указывают на наличие у некоторых его представителей комплекса культурной неполноценности, который имеет различные проявления: языковое стеснение вплоть до полного отказа от родного языка, дискриминирующее поведение в отношении других носителей коми, а также представления об этнокультурных иерархиях и языковом престиже. Все это встраивается в набор оппозиций «мы – они» или «свой – чужой», подкрепляется ими и воспроизводит их. В отсутствие полноценной государственной поддержки коми языка, которая дала бы его носителям ощущение его престижности и ценности, они в той или иной степени отказываются от него и мимикрируют под моноязычное большинство.

Истории наших респондентов поразительно напоминают описанные Францем Фаноном реалии колонизированных Антиль. Чернокожий антилец бежал из джунглей в метрополию и пытался стать «белее», оттачивая «правильное» французское произношение. Коми бегут от самих себя, стремясь приблизиться к «полноценному» человеку, избавляясь от любых маркеров, способных выдать в них «чужого» или выходца села – то есть скрывая акцент и предпочитая русский язык. Масштабы этого «бегства» мы не беремся оценивать за недостатком статистических данных¹⁷. Их еще предстоит изучить, применяя

¹⁷Н.П. Миронова и Я. Янитс приводят данные всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. Первая из них выявила падение уровня владения коми языком в связи с распространением городского образа жизни (коми

количественные методы. Но рассказы респондентов в рамках нашего сугубо качественного исследования красноречиво указывают на существование самих феноменов.

Литература

- Бурдые П., Пассрон Ж.-К.* (2007) *Воспроизводство: Элементы теории системы образования.* М.: Просвещение. 267 с.
- Кондрашкина Е.А.* (2018) Влияние психологического фактора на витальность языка // *Вопросы психолингвистики.* № 3 (37). С. 22–35. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35.
- Майер М.* (2021) Заявления о притеснении коми народа со стороны судьи являются абсурдными – председатель Сыктывкарского суда Надежда Сарвилина. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://komiinform.ru/news/211147/>. Дата обращения: 07.02.2022.
- Миронова Н.П., Янитс Я.* (2012) Коми язык, этническая самоидентификация и вопросы региональной политики в Республике Коми: Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН. 641 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://static.iea.ras.ru/books/Etnopol_situaziya_2011.pdf. Дата обращения: 17.02.2022.
- Правосудие без коми / Vox Vitae. (2021) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=9bPP3FEQdmk&ab_channel=%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0. Дата обращения: 07.05.2021.
- Фанон Ф.* (2020) Черная кожа, белые маски // *НЛО.* № 1 (161). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21969/. Дата обращения: 08.05.2021.
- Gogolin, I.* (1997) The “monolingual habitus” as the common feature in teaching in the language of the majority in different countries. *Per Linguam.* Vol. 13. № 2. Pp. 38–49. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/a450/d34cfd6668da448f20a37af34ef53a46b171.pdf>. Access date: 17.02.2022. (In Eng.)
- Gouma, A.* (2020) *Migrantische Mehrsprachigkeit und Öffentlichkeit: Linguizismus und oppositionelle Stimmen in der Migrationsgesellschaft.* Springer VS. 238 p. DOI:10.1007/978-3-658-30869-8.
- Hu, Y.* (2014) The impact of cultural cringe on consumer behavior in China. Open Access Master's Theses. 39 p. Available at: <https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1452&context=theses>. Access date: 05.05.2021. (In Eng.). DOI: 10.23860/thesis-hu-yue-2014.
- Motaghi-Tabari, S.* (2016) *Bidirectional Language Learning in Migrant Families.* PhD Thesis. Sydney, Macquarie University. 292 p. Available at: https://www.languageonthemove.com/wp-content/uploads/2017/03/Thesis_Shiva_Motaghi-

языком на территории региона на тот момент владели 78,1 % титульной этнической группы). По результатам переписи 2010 года 40 % лиц, назвавших себя коми, указали родным языком русский [Миронова и др., 2012: 217]. Авторы ссылаются также на данные массового опроса 2004 года, свидетельствующие о снижении функционального значения коми языка среди молодежи: «25% среди коми молодежи общается с родителями только на русском языке, 30% – чаще на русском, и только 10% – на обоих языках. Более активно молодые люди используют коми язык в общении со старшими родственниками – бабушками и дедушками, с которыми в 2 раза реже используют только русский язык и чаще общаются на обоих языках» [Там же: 218].

[Tabari BidirectionalLanguageLearning.pdf](#). Access date: 10.05.2021.

Skutnabb-Kangas, T. (2000) Linguistic genocide in education – Or worldwide diversity and human rights? Mahwah, NJ: Erlbaum. 824 p

Skutnabb-Kangas, T. (2015) Linguicism. The Encyclopedia of Applied Linguistics. Malden, MA: Blackwell. Available at: <http://www.tove-skutnabb-kangas.org/dl/310-Skutnabb-Kangas-Tove-2015-Linguicism-Encyclopedia-of-Applied-Linguistics-Blackwell.pdf>. Access date: 17.02.2022. (In Eng.). DOI:10.1002/9781405198431.wbeal1460.

Uekusa, S. (2019) Disaster linguicism: Linguistic minorities in disasters. *Language in Society*, 48(3), pp. 353 — 375. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/language-in-society/article/disaster-linguicism-linguistic-minorities-in-disasters/64F90D7B92E953BC719B0080986DD821#> Access date: 17.02.2022. DOI:10.1017/S0047404519000150.

References

Burdieu, P., Passeron, J.-C. (2007) *Vosproizvodstvo: Elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: Elements for a theory of the teaching system]. Moscow, Prosveshchenie. 267 p. (In Russ.)

Kondrashkina, E.A. (2018) Vliyanie psihologicheskogo faktora na vital'nost' yazyka [The Influence of the psychological factor on the vitality of language] // *Voprosy psiholingvistiki*, Issue 3 (37), pp. 22–35. (In Russ.). DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35.

Maier, M. (2021) Zayavleniya o pritesnenii komi naroda so storoni sudi yavlyayutsya absurdnimi - predsedatel Siktivkarskogo suda Nadezhda Sarvilina [Claims of oppression of the Komi people by a judge are absurd - Nadezhda Sarvilina, chairwoman of the Syktyvkar court]. Available at: <https://komiinform.ru/news/211147/> . Access date: 07.02.2022.

Mironova, N.P., Yanits, Ya. (2012) *Komi yazyk, etnicheskaya samoidentifikaciya i voprosy regional'noj politiki v Respublike Komi* [The Komi language, ethnic identity, and regional policy issues in the Komi Republic]. *Etnopoliticheskaya situaciya v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2011 godu. Ezhegodnyj doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov / Pod. red. V.A. Tishkova i V.V. Stepanova.* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2011. Annual report of the Network of Ethnological Monitoring and Conflict Early Warning / V.A. Tishkov and V.V. Stepanov (eds.)]. Moscow, IEA Russian Academy of Sciences. 641 p. Available at: http://static.iea.ras.ru/books/Etnopol_situaziya_2011.pdf. Access date: 17.02.2022. (In Russ.)

Pravosudie bez komi / VoxVitae. (2021) [Justice without Komi / VoxVitae]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=9bPP3FEQdmk&ab_channel=%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0. Access date: 07.05.2021. (In Russ.)

Fanon, F. (2020) *Chernaya kozha, belye maski* [Black skin, white masks]. *NLO*, Issue 1 (161). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21969/. Access date: 08.05.2021. (In Russ.)

Gogolin, I. (1997) The “monolingual habitus” as the common feature in teaching in the language of the majority in different countries. *Per Linguam*. Vol. 13, no. 2, pp. 38 – 49. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/a450/d34cfd6668da448f20a37af34ef53a46b171.pdf>. Access date: 17.02.2022. (In Eng.)

Gouma, A. (2020) *Migrantische Mehrsprachigkeit und Öffentlichkeit: Linguizismus und oppositionelle Stimmen in der Migrationsgesellschaft.* Springer VS. 238 p. (In Germ.). DOI:10.1007/978-3-658-30869-8.

Hu, Y. (2014) The impact of cultural cringe on consumer behavior in China. *Open*

Access Master's Theses. 39 p. Available at:

<https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1452&context=theses>. Access date: 05.05.2021. (In Eng.). DOI: 10.23860/thesis-hu-yue-2014.

Motaghi-Tabari, S. (2016) Bidirectional Language Learning in Migrant Families. PhD Thesis. Sydney, Macquarie University. 292 p. Available at: https://www.languageonthemove.com/wp-content/uploads/2017/03/Thesis_Shiva_Motaghi-Tabari_BidirectionalLanguageLearning.pdf. Access date: 10.05.2021. (In Eng.)

Skutnabb-Kangas, T. (2000) Linguistic genocide in education – Or worldwide diversity and human rights? Mahwah, NJ: Erlbaum. 824 p. (In Eng.)

Skutnabb-Kangas, T. (2015) Linguicism. The Encyclopedia of Applied Linguistics. Malden, MA: Blackwell. Available at: <http://www.tove-skutnabb-kangas.org/dl/310-Skutnabb-Kangas-Tove-2015-Linguicism-Encyclopedia-of-Applied-Linguistics-Blackwell.pdf>. Access date: 17.02.2022. (In Eng.). DOI:10.1002/9781405198431.wbeal1460.

Uekusa, S. (2019) Disaster linguicism: Linguistic minorities in disasters. *Language in Society*, 48(3), pp. 353 — 375. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/language-in-society/article/disaster-linguicism-linguistic-minorities-in-disasters/64F90D7B92E953BC719B0080986DD821#> Access date: 17.02.2022. (In Eng.). DOI:10.1017/S0047404519000150.

Юлдашев Игорь Олегович – студент Института культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина.

Адрес: 167001, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, пр-т Октябрьский, д. 55 а.

Эл. адрес: stillerbund13@gmail.com

Вокуев Николай Евгеньевич – кандидат культурологии, докторант Университета Квебека в Труа-Ривьере.

Адрес: Канада, Квебек G8Z 4M3, Труа-Ривьер, Бульвар де Форжи 3351.

Эл. адрес: nevokuev@gmail.com

Для цитирования: Юлдашев И.О., Вокуев Н.Е. Языковое доминирование и комплекс культурной неполноценности у носителей коми языка (случай г. Сыктывкара) [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 170–187. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-170-187

For citation: Yuldashev, I.O., Vokuev, N.E. Linguistic dominance and cultural inferiority complex among Komi language speakers (the case of Syktyvkar) [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 170–187. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-170-187